

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-476-481

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич,
Доктор юридических наук, профессор,
e-mail: mail@law-books.ru

ДЕМИДОВ Андрей Николаевич,
аспирант 2 курса Российской государственная
академии интеллектуальной собственности,
Москва, Россия,
e-mail: andre2000andre@mail.ru

ОЦЕНОЧНАЯ МОДЕЛЬ ПРЕДЕЛОВ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ МЕР ЗАЩИТЫ В ИНТЕРНЕТЕ: КРИТЕРИИ КВАЛИФИКАЦИИ И БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ

Аннотация. В статье рассматриваются пределы правовой охраны технических мер защиты (ТМЗ) в цифровой среде в контексте статьи 1299 ГК РФ, международных стандартов охраны ТМЗ и подходов, закрепленных в европейском праве. Обосновывается, что правовая охрана ТМЗ не должна приобретать самостоятельный и абсолютный характер, отрываясь от задач защиты авторских прав и правомерных оснований использования произведений. На основе норм российского законодательства, разъяснений Верховного Суда Российской Федерации и доктринальных подходов предлагается оценочная модель пределов применения ТМЗ, включающая анализ функционального назначения технологии, ее коммерческого использования вне обхода, наличия условий для правомерного использования, эффекта нейтрализации и соразмерности гражданско-правовых последствий. Особое внимание уделяется технологиям смешанного назначения и рискам формального подхода при квалификации действий как обхода ТМЗ. Делается вывод о необходимости оценочного подхода, позволяющего обеспечить баланс интересов правообладателя и пользователя, повысить предсказуемость правоприменения и снизить риск расширительного толкования запрета обхода.

Ключевые слова: технические меры защиты; обход ТМЗ; статья 1299 ГК РФ; цифровой контент; технологии смешанного назначения; баланс интересов; правомерное использование; соразмерность ответственности.

PANCHENKO Vladislav Yuryevich,
Doctor of Law, Professor,

DEMIDOV Andrey Nikolaevich,
2nd year postgraduate, Russian State Academy
of Intellectual Property, Moscow, Russia

EVALUATIVE MODEL OF THE LIMITS OF APPLICATION OF TECHNOLOGICAL PROTECTION MEASURES ON THE INTERNET: QUALIFICATION CRITERIA AND BALANCE OF INTERESTS

Annotation. The article examines the limits of legal protection of technological protection measures (TPMs) in the digital environment in the context of Article 1299 of the Civil Code of the Russian Federation, international TPM protection standards, and approaches established in European law. It is argued that the legal protection of TPMs should not become autonomous and absolute, detached from the goals of copyright protection and lawful grounds for the use of works. Based on Russian legislation, clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation, and doctrinal approaches, the author proposes an evaluative model for determining the limits of TPM application, including an analysis of the functional purpose of a technology, its commercial use outside circumvention, the availability of lawful use scenarios, the effect of neutralization, and the proportionality of

civil-law consequences. Attention is paid to dual-use technologies and to the risks of a formalistic approach when qualifying conduct as TPM circumvention. The article concludes that an evaluative approach is necessary to ensure a proper balance of interests between right holders and users, improve predictability in law enforcement, and reduce the risk of overly broad interpretation of anti-circumvention rules.

Key words: *technological protection measures; circumvention of TPMs; Article 1299 of the Civil Code of the Russian Federation; digital content; dual-use technologies; balance of interests; lawful use; proportionality of liability.*

ТМЗ в цифровом обороте фактически задают режим доступа к произведению и контролируют способы использования, определяемые правообладателем и условиями лицензионного предоставления доступа на цифровой платформе. По наблюдению А. А. Поповича, технические способы защиты выполняют двоякую функцию: обеспечивают превентивную охрану и выступают инструментом пресечения при попытке нарушения, что усиливает роль технологического контроля в механизме защиты прав [1]. Вместе с тем жесткий характер технологических ограничений способен затрагивать и законные модели использования.

В этой связи А. Н. Кирсанов подчёркивает, что правовое регулирование ТМЗ должно исходить из обеспечения баланса интересов правообладателя и пользователя; без этого запрет обхода рискует трансформироваться в механизм избыточного ограничения правомерного доступа [2]. Следовательно, ключевым становится вопрос не только о наличии ТМЗ и факте их нейтрализации, но и о пределах правовой охраны технологического режима с учётом законных исключений и соразмерности ответственности.

Научная новизна настоящего исследования состоит в формулировании оценочной модели пределов применения ТМЗ в цифровой среде, основанной на совокупной оценке функционального назначения технологии, ее коммерческого применения вне обхода, наличия условий для правомерного использования, юридически значимого эффекта нейтрализации и соразмерности гражданско-правовых последствий. Практическая значимость предлагаемого подхода заключается в возможности его использования для унификации квалификации спорных ситуаций в правоприменительной практике.

Правовое регулирование ТМЗ в российском праве закреплено в ст. 1299 ГК РФ: законодатель определяет ТМЗ как технологии, устройства или их компоненты, контролирующие доступ либо предотвращающие (ограничивающие) действия, не разрешённые правообладателем [3]. Одновременно установлен запрет обхода и запрет оборота средств обхода, что подчёркивает самостоятельность правовой охраны технологического режима как объекта защиты, а не только охрану исключительного права на произведение.

При анализе запрета обхода ТМЗ и связанных с ним гражданско-правовых последствий принципиально учитывать действующую редакцию ст. 1299 ГК РФ, поскольку изменение нормативной конструкции ответственности усиливает значение точного разграничения между действиями, образующими обход ТМЗ, и последующим нарушением исключительного права. В противном случае возникает риск формального расширения сферы применения ответственности только на основании технического факта вмешательства.

Доктрина обращает внимание на необходимость корректной квалификации именно обхода по смыслу ст. 1299 ГК РФ. О. В. Мельников указывает, что при применении данной нормы принципиально установить, что имело место нейтрализующее вмешательство в ТМЗ, а не любая техническая модификация, поскольку от этого зависит правовая оценка последствий и выбор гражданско-правовой реакции [4].

Границы допустимого технологического контроля в российской модели проявляются через п. 4 ст. 1299 ГК РФ, который ориентирует правоприменение на сохранение возможности законного использования в случаях, предусмотренных законом. Эта логика согласуется с международным Договором Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву (WCT), требующим охраны эффективных мер в отношении действий, не разрешённых правообладателем или не допускаемых законом [5], и с положениями Директивы 2001/29/ЕС, закрепляющими запрет обхода при общей рамке баланса исключительного права и исключений.

Дополнительным аргументом в пользу оценочного подхода является то, что охрана ТМЗ в международном и европейском регулировании не сводится к абсолютному запрету любой технической возможности обхода. Напротив, соответствующие положения ориентируют правоприменение на защиту от действий, не разрешённых правообладателем или не допускаемых законом, что предполагает учет правомерных оснований использования и исключает формальный подход к квалификации. В этой логике правовая охрана ТМЗ должна соотноситься с целями защиты исключительного права, а не подменять собой весь режим использования произведения.

Наиболее конфликтным сегментом являются технологии смешанного назначения, обладающие самостоятельными правомерными функциями, но могут применяться и для нейтрализации ТМЗ. Верховный Суд РФ разъяснил, что запрет изготовления и распространения средств обхода не охватывает технологии, изначально разработанные и продаваемые для иных целей; суду необходимо установить возможность их коммерческого использования вне обхода. Указанный подход позволяет отказаться от формального отождествления технической возможности обхода с противоправностью и переводит квалификацию в плоскость оценочного анализа.

В доктрине данное направление поддерживается аргументом о необходимости анализа функциональной направленности. А. А. Попович показывает, что для разграничения допустимых решений и средств обхода существенны назначение технологии и её фактическая роль в нейтрализации защиты [1]. А. М. Пушков, анализируя влияние цифровых технологий на систему охраны авторских и смежных прав, обращает внимание на риск неоднородности практики именно там, где оценка смешанной функциональности подменяется формальными признаками и не учитывает экономико-технологическую реальность использования решения [7].

Самостоятельное значение имеет вопрос о пределах ответственности. В части компенсации как меры гражданско-правовой ответственности Е. А. Павлова, В. О. Калятин, В. А. Корнеев, М. В. Радецкая и соавт. подчеркивают необходимость учитывать характер нарушения и справедливость взыскания, поскольку компенсационная модель требует механизма соразмерности и предсказуемости [8]. Эти выводы особенно значимы для дел об обходе ТМЗ, где возможен разрыв между степенью технологического вмешательства и объёмом имущественных последствий.

Оценочная модель пределов применения технических мер защиты в Интернете вытекает из нормативной конструкции ст. 1299 ГК РФ [3], а также согласуется с положениями WCT [5] и общеевропейским подходом Директивы 2001/29/ЕС [6], в рамках которых охрана ТМЗ ориентирована на пресечение действий, не разрешённых правообладателем или не допускаемых законом. При этом доктрина справедливо обращает внимание на риск расширительного толкования запрета обхода, когда технологический режим начинает охраняться как самостоятельная цель, независимо от того, достигается ли баланс интересов правообладателя и законного пользователя. В этой части А. Н. Кирсанов обоснованно указывает на необходимость оценки применения ТМЗ через призму баланса интересов правооб-

ладателя и пользователя и допустимости ограничения правомерного доступа, особенно в цифровой среде, где доступ часто реализуется через платформенную модель [2].

В рамках предлагаемого подхода ключевым является установление фактического назначения конкретной технологии: используется ли она для контроля доступа и предотвращения правомерных действий либо фактически блокирует любые формы доступа и использования, включая правомерные сценарии. Такая постановка вопроса согласуется с выводами А. А. Поповича о функциональной направленности технических способов защиты и необходимости соотносить их применение с охраняемым интересом, не допускающим подмены правовых механизмов технологическим запретом как таковым [1]. Далее подлежит оценке коммерческая и технологическая природа решения с точки зрения смешанной функциональности, включая наличие у средства самостоятельного экономически оправданного применения вне обхода, особенности его рыночного продвижения и фактическую направленность на нейтрализацию защиты. Здесь применим ориентир Верховного Суда РФ о том, что запрет оборота не должен автоматически охватывать технологии, изначально разработанные и распространяемые для иных целей; суду следует устанавливать реальность коммерческого использования решения вне обхода [9]. В доктринальной плоскости А. М. Пушков обращает внимание на уязвимость практики при формальном подходе к смешанной функциональности, когда легальная функция используется как универсальный аргумент, нивелирующий анализ фактической роли решения в нейтрализации защиты [7].

Следующий элемент модели связан с обеспечением возможности правомерного использования: российский законодатель прямо закрепляет пределы технологического контроля через механизм п. 4 ст. 1299 ГК РФ [3], что требует учитывать не только факт применения ТМЗ, но и то, обеспечивается ли при этом доступ для случаев, когда использование допускается законом. В связке с этим оценивается юридически значимый эффект нейтрализации, поскольку в доктрине подчёркивается, что для квалификации действий как обхода необходимо выявить нейтрализующее вмешательство, приводящее к утрате защитной функции либо к созданию возможности совершать действия, которые ТМЗ призваны предотвращать; О. В. Мельников также отмечает значимость разграничения нейтрализации защиты и иных технических модификаций, не образующих состав обхода по смыслу ст. 1299 ГК РФ [4]. Завершающим элементом модели выступает критерий соразмерности последствий. Даже при

наличии признаков нарушения требуется индивидуализировать гражданско-правовую реакцию и исключать несоразмерный имущественный результат. В этом смысле существенны выводы Е. А. Павловой, В. О. Калятина, В. А. Корнеева, М. В. Радецкой и соавт., которые подчёркивают, что компенсация как мера ответственности должна применяться с учётом характера нарушения и справедливости взыскания, что прямо релевантно делам об обходе ТМЗ [8].

С прикладной точки зрения предлагаемая модель одновременно конкретизирует предмет судебного доказывания по делам об обходе ТМЗ. Для правильной квалификации суду необходимо установить не только наличие ТМЗ и факт технического вмешательства, но и охранительную функцию конкретной меры, характер нейтрализующего эффекта, наличие самостоятельного коммерческого применения спорной технологии вне обхода, а также связь вмешательства с заявленным правомерным использованием. Такой подход позволяет избежать подмены юридической оценки формальным выводом о том, что сама по себе техническая возможность обхода уже свидетельствует о противоправности поведения.

Практическая ценность оценочной модели проявляется в ситуациях, где внешне присутствует правомерный доступ к контенту, однако действия пользователя или поставщика технологии затрагивают охраняемый технологический режим и создают риск подмены правовых границ технологическим контролем. Наиболее типичным является сценарий, когда пользователь получает доступ по подписке либо иной лицензионной модели, но затем нейтрализует технические ограничения для последующего копирования, переноса на иные устройства, обхода ограничений количества просмотров либо дальнейшего распространения. В таком случае исходной точкой квалификации выступает то, что ст. 1299 ГК РФ охраняет технологический режим защиты как самостоятельный объект правовой охраны, а потому правомерность доступа не тождественна правомерности нейтрализации защиты. По логике доктрины А. А. Поповича, принципиально установить назначение и охранительную функцию применённой меры, а также характер действий по её устранению, чтобы разграничить допустимые действия пользователя в пределах доступа и действия, направленные на разрушение режима защиты [1]. Дополнительно существенен вопрос о правомерном использовании: если пользователь ссылается на законный интерес, правоприменение должно учитывать механизм п. 4 ст. 1299 ГК РФ и оценивать, исключает ли ТМЗ предусмотренные законом сценарии

использования либо же нейтрализация преследует цель, не связанную с правомерным использованием. В части ответственности подход должен учитывать ориентиры справедливости и соразмерности: в противном случае риск заключается в том, что санкция фактически будет определяться не характером нарушения, а лишь техническим фактом вмешательства; доктринально это описано как проблема корректного применения компенсационной модели.

К следующей группе относятся ситуации, связанные с технологиями смешанного назначения. Программы, устройства или компоненты могут иметь легальные функции (например, обеспечивать совместимость, воспроизведение, конвертацию, управление устройствами), но одновременно использоваться для нейтрализации ТМЗ. Здесь центральным становится не само по себе наличие правомерной функции, а реальность и самостоятельность коммерческого использования вне обхода, а также фактическая роль технологии в нейтрализации защиты. Верховный Суд РФ прямо ориентирует суды на проверку того, была ли технология изначально создана и распространена для целей, не связанных с обходом, и возможно ли её коммерческое использование в иных целях. Этот подход дополняется доктринальными замечаниями о риске формализма: А. М. Пушков подчёркивает, что оценка смешанной функциональности должна учитывать технологическую и экономическую реальность использования решения, иначе правовая охрана становится непредсказуемой [7]. С учетом изложенного в каждом конкретном деле подлежит оценке совокупность факторов, включая назначение и позиционирование средства, наличие инструкций и маркетинговых материалов, ориентированных на обход, наличие доказуемого рынка применения, не связанного с обходом, а также характер нейтрализующего эффекта. В этой части значимы выводы О. В. Мельникова о том, что квалификация обхода предполагает установление именно нейтрализующего вмешательства, влияющего на работу защитного механизма, а не любую модификацию цифровой среды [4].

К следующей группе относятся случаи, при которых ТМЗ фактически блокируют предусмотренные законом сценарии правомерного использования либо делают их недостижимыми при наличии правомерного доступа. В такой конфигурации модель позволяет удерживать анализ в пределах права: если технологический режим превращается в фактический запрет законного использования, пределы охраны должны оцениваться через п. 4 ст. 1299 ГК РФ и общий принцип баланса интересов, о котором пишет А. Н. Кирса-

нов [2]. С практической точки зрения это означает, что суд должен анализировать не только наличие ТМЗ и сам факт вмешательства, но и то, имелось ли у лица законное основание для соответствующего использования, обеспечивалась ли возможность реализации такого основания без нейтрализации защиты, и насколько вмешательство было необходимым и соразмерным цели законного использования. Такой подход снижает риск того, что запрет обхода будет применён расширительно и станет инструментом технологического ограничения правомерного доступа, не предусмотренного законом.

Правовая охрана технических мер защиты в цифровой среде представляет собой самостоятельный элемент механизма защиты авторских прав, однако она не может рассматриваться как абсолютная и автономная по отношению к пределам правомерного использования. Нормативная конструкция ст. 1299 ГК РФ, во взаимосвязи с международным стандартом WCT³ и подходом Директивы 2001/29/ЕС, задаёт общий вектор: запрет обхода направлен на пресечение действий, не разрешённых правообладателем или не допускаемых законом, и потому требует учёта правомерных оснований использования и механизмов сохранения баланса интересов. Доктрина подчёркивает, что применение ТМЗ должно оцениваться с позиции баланса интересов правообладателя и пользователя, а квалификация действий как обхода ТМЗ предполагает установление нейтрализующего эффекта, затрагивающего защитную функцию, а не любую техническую модификацию. В условиях распространения технологий смешанного назначения ключевым становится оценочный подход: разъяснения Верховного Суда РФ обязывают проверять реальность коммерческого использования решения вне обхода, а доктринальные позиции подчёркивают необходимость учитывать функциональную направленность и фактическую роль технологии в нейтрализации защиты. Предлагаемая оценочная модель, построенная на анализе назначения технологии, коммерческой применимости вне обхода, наличия условий для правомерного использования, эффекта нейтрализации и соразмерности последствий, позволяет повысить предсказуемость квалификации и унифицировать правовую оценку спорных ситуаций, одновременно снижая риск расширительного толкования запрета обхода. В части ответственности применение модели должно сопровождаться индивидуализацией имущественных последствий, поскольку компенсационная конструкция требует соотнесения взыскания с характером нарушения и справедливостью результата, на чём настаивают ведущие представители доктрины в сфере исключительных прав.

Список литературы:

- [1] Попович А. А. Технические способы защиты авторских прав в сфере использования цифровых информационных технологий: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. М., 2023.
- [2] Кирсанов А. Н., Попович А. А. Обеспечение баланса интересов сторон в области применения технических средств защиты авторских прав // Юридическая наука. 2022. № 11. С. 40–45.
- [3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.
- [4] Мельников О. В. Технические средства защиты авторских прав // Вестник магистратуры. 2018. № 5–2 (80). С. 127–129.
- [5] Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву (WCT) (Женева, 20 декабря 1996 г.) (подлинный текст) // WIPO Lex. WIPO Lex No. TRT/WCT/001. Ст. 11 (Обязательства в отношении технических мер).
- [6] Директива 2001/29/ЕС Европейского парламента и Совета от 22 мая 2001 г. о гармонизации некоторых аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе (Directive 2001/29/EC) // Official Journal of the European Communities. 2001. L 167. 22 June. P. 10 et seq. Ст. 6.
- [7] Пушков А. М. Проблемы охраны авторских прав в цифровой среде // ИС. Авторское право и смежные права. 2022. № 1. С. 38–41.
- [8] Павлова Е. А., Калятин В. О., Корнеев В. А., Радецкая М. В., Евстигнеев Э. А., Кольздорф М. А., Туркина А. Е., Спиридонова Н. Б. Компенсация как мера ответственности за нарушение исключительных прав. Часть 1 // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 2 (36). С. 152–190.
- [9] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 7.

References:

- [1] A. Popovich. Technical methods of copyright protection in the field of digital information technology use: dis.... cand. jurid. Sciences: 5.1.3. M., 2023.
- [2] Kirsanov A. N., Popovich A. A. Ensuring the balance of interests of the parties in the field of the use of technical means of copyright protection// Legal science. 2022. № 11. S. 40–45.

[3] Civil Code of the Russian Federation (part four) dated December 18, 2006 No. 230-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (part I). Art. 5496.

[4] Melnikov O. V. Technical means of copyright protection//Bulletin of magistracy. 2018. № 5–2 (80). S. 127-129.

[5] World Intellectual Property Organization Copyright Treaty (WCT) (Geneva, 20 December 1996) (original text)//WIPO Lex. WIPO Lex No. TRT/WCT/001. Art. 11 (Obligations regarding technical measures).

[6] Directive 2001/29/EC of the European Parliament and of the Council of 22 May 2001 on the harmonization of certain aspects of copyright and related rights in the information society (Directive

2001/29/EC)//Official Journal of the European Communities. 2001. L 167. 22 June. P. 10 et seq. Art. 6.

[7] Pushkov A.M. Problems of copyright protection in the digital environment//IP. Copyright and related rights. 2022. № 1. S. 38-41.

[8] Pavlova E.A., Kalyatin V.O., Korneev V.A., Radetskaya M.V., Evstigneev E.A., Kolz Dorf M.A., Turkina A.E., Spiridonova N.B. Compensation as a measure of liability for violation of exclusive rights. Part 1//Journal of the Intellectual Property Court. 2022. № 2 (36). S. 152-190.

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 23, 2019 No. 10 "On the application of part four of the Civil Code of the Russian Federation" //Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. № 7.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru